

попрощаться съ чинь-цаемъ, который, повторяю опять, хотя былъ взяточникъ и попрошайка (безъ этого невозможно представить себѣ въ Китаѣ ни одного чиновника, тѣмъ болѣе важнаго), но все-таки изображалъ собою лучшаго изъ всѣхъ видѣнныхъ мною китайскихъ сановниковъ. Прощальный визитъ продолжался недолго. Въ сумерки же чинь-цай самъ пріѣхалъ къ намъ на бивуакъ. Въ это время я писалъ свой дневникъ и оканчивалъ его слѣдующими строками: «Завтра двинемся далѣе. Перейти Хамійскую пустыню будетъ не легко, въ особенности теперь, при страшныхъ дневныхъ жарахъ. Зато отсюда начинается самый интересный путь, по мѣстностямъ почти невѣдомымъ. Счастіе по прежнему благоволитъ мнѣ: хорошо проскользнули мы въ Баркулѣ; хорошо отдѣлались въ Хами. Теперь уже можно сказать, что мы одной ногой въ Тибетѣ». Какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ дневника, я попросилъ чинь-цай сдѣлать мнѣ на память свою подпись. Онъ подписалъ по китайски и по манчжурски, словно официально утвердилъ нашу надежду пробраться въ Тибетъ.

Выступление.

На восходѣ солнца, 1-го іюня, мы завьючили своихъ верблюдовъ и двинулись въ путь по дорогѣ, которая ведетъ изъ Хами въ г. Аньси¹⁾. Этою колесною дорогою мы должны были идти четыре станціи; потомъ свернуть вправо также по колесной дорогѣ, направляющейся въ оазисъ Са-чжеу.

Первыя десять верстъ отъ города Хами путь нашъ лежалъ по мѣстности плодородной; здѣсь вездѣ поля, арыки и разоренныя жилища, изъ которыхъ многія начинали возобновляться. Затѣмъ собственно Хамійскій оазисъ кончился. Далѣе, на нѣсколько верстъ, залегла голая галька и дресва, а потомъ явился песокъ, поросшій всего болѣе мохнатымъ тростникомъ (*Psamma villosa*) и джантакомъ (*Alhagi camelogum*); много здѣсь также *Cynanchum acutum*. За этими песками, на довольно обширной площади, орошенной ключевою водою, снова встрѣтились китайскія деревни и возлѣ первой изъ нихъ, называемой Хуань-лу-чуань, мы разбили свой бивуакъ. Кормъ былъ здѣсь хорошій и наши верблюды, голодавшіе въ Хами, могли до невозможности набить желудки своимъ любимымъ джантакомъ.

Здѣсь же насъ догнали и провожатые въ Са-чжеу, посланные чинь-цаемъ. Не смотря на мои неоднократныя просьбы дать намъ только двухъ вожаковъ, чинь-цай все-таки командировалъ офицера и человекъ пятнадцать солдатъ. Положимъ, этотъ конвой означалъ по-

¹⁾ Какъ выше упомянуто, здѣсь двѣ почти параллельныя колесныя дороги.